

*Моей сестричке Светлане,
вдохновляющей меня
на многое,
посвящается с любовью.*

Аэропортик местный был небольшой, симпатичный и какой-то на удивление уютно-домашний; это ощущение домашности и невидимой приветливой улыбки Настасья еще по прилете отметила про себя и все непроизвольно улыбалась в ответ.

Расположился местный аэропорт, как и подобает, за городом, но виден был издалека, приветливо и радостно посверкивая на солнышке чистенькими, свежотремонтированными фасадами, словно похвываясь новеньким праздничным нарядом.

Как объяснила ей Валерия Яковлевна, встречавшая ее, в прошлом году аэропорт отремонтировали основательно, что-то даже модернизировали в нем и в системах обслуживания, в свете каких-то там серьезных новых авиационных стандартов и требований, однако это все равно мера временная, поскольку требуется полная реконструкция по современным технологиям и параметрам. Что и планируется сделать в ближайшее же время.

— И уж стройку налаживают, видите там, — она указала рукой вправо за взлетную полосу на ангары и постройки. И похвалилась: — От так. А как же. И у нас тут цивилизация и эти самые, как их, господа прости, называют-то по-современному... — на-

морщила она лоб, вспоминая, и улыбнулась, таки вспомнив, — инновации. О!

Рассказывала она про дела и новости городские обстоятельно, делилась с удовольствием, как человек, знающий, о чем говорит, и радующийся таким делам грядущим.

Впрочем, практически все жители этого маленького городишки про все, что происходило в нем, знали доподлинно и из первых рук, а сам мэр раз в неделю выступал по местному телевидению и подробно докладывал о городских делах.

В том, что любая информация распространяется здесь со скоростью лесного пожара, Насте пришлось удостовериться на собственном примере — стоило ей прилететь и поселиться в гостинице, как уже через час практически весь город был оповещен о том, кто она, откуда прибыла, по каким надобностям к кому приехала. О ней и цели ее приезда даже по радио передали в местных новостях, как о некоем важном событии.

Одуреть!

А еще здесь все здоровались друг с другом, даже незнакомые люди.

И улыбались при этом! Улыбались, представляете, радушно, открыто, словно ты их родственник любимый или давнишний друг-товарищ! Это вообще что-то, как в другое измерение попала.

Хотя... может, и попала. Тут вообще все не так, как в других краях, а уж тем более в столице. Она, столица та самая, дале-е-екая и важная, как-то там сама по себе важно раскинулась, а жизнь, насыщенная и настоящая, она вот здесь, например.

Север. Полярный круг. Якутия.

И этого Севера и Полярного круга с Арктикой за ним как-то очень до хрена, уж извините, и на-а-а-а много побольше будет, чем какой-то там Москвы с Питером, вместе взятых, со всеми их понтами и представлениями о жизни.

Это не Настины мысли и высказывания, она в такие размышления не пускалась. Это практически прямая цитата из речи Темыча, как его все называли, соседа Валерии Яковлевны, разъясняющего со смешком, улыбочкой и проскальзывающим, завуалированным матком почти столичной Настасье реалии того непростого места, куда она попала.

Не в сказку, но близко.

За три дня пребывания она «калориту» этого, как говаривал тот же упомянутый сосед Валерии Яковлевны Темыч, набралась с лихвой и, знаете, с радостью — так ей нравились эти люди, их городишко, их жизнь. И это ощущение чего-то сильного, настоящего, мощь этого необъятного края, чувствующаяся здесь во всем...

Что-то как-то ее того... занесло в непонятный пафос, или ей просто было здесь хорошо? И люди замечательные встречались — а, вот это точно! Или это от возникшей уверенности, что с ее важным, главным делом все обязательно сладится и получится наилучшим образом, раз за него взялась с таким энтузиазмом Валерия Яковлевна. Ладно, занесло и занесло. А насчет дела своего рановато она обрадовалась — непростое оно, дело это, времени и терпения требует. Посмотрим, как там будет и что получится.

Теперь она вот улетает.

Но утверждение «улетает» слишком оптимистичное, а произойдет ли это на самом деле, — под большим сомнением.

— Как бы погода не поменялась, — задумчиво произнесла Валерия Яковлевна, когда они прощались, тревожно глядя на горизонт.

Настя тоже посмотрела на горизонт следом за ней и ничего, кроме чистого синего бескрайнего высокого неба, не обнаружила.

— Суставы с утра крутит, — пояснила Валерия Яковлевна, — а это всегда к непогоде, резкой и затяжной. — И улыбнулась ободряюще: — Но, даст бог, улетите, успеете.

Они очень тепло попрощались, наверное, в сотый раз напоследок обсудив их дело, и Настя отправилась в гостиницу собираться, а оттуда, вызвав такси, поехала в аэропорт.

Людей в зале ожидания оказалось неожиданно много.

Ну, как много — полным-полно! Все кресла были заняты как людьми, так и их вещами — чемоданами-баулами, и у стен кое-кто на своих вещах на полу пристроился сидеть, а то и спать. В единственном малюсеньком кафе выстроилась длинная очередь к прилавку, и все столики были плотно заняты людьми, которые явно надолго здесь обосновались.

Настя протиснулась между потоками мигрирующих по залу людей к экрану расписания и с уныни-

ем просмотрела информацию о задержке практически всех рейсов.

Ох, не зря у Валерии Яковлевны суставы крутит, ох, не зря!

Это она поняла еще по дороге в аэропорт, заметив из окна такси темную массу облаков, появившихся на горизонте, а ведь еще час назад небо было чистое, как слеза.

Но пока все было непонятно и туманно — на табло не высвечивалась информация, на сколько конкретно задерживают ее рейс, может, еще и улетит, хотя даже регистрацию не объявили.

Она покружила по залу, выглядывая, может, найдется где местечко, чтобы присесть. И все неосознанно поворачивалась назад, поглядывая время от времени на свой багаж, удивляясь, что как-то непривычно тянуть за собой лишь небольшой стильный чемоданчик на колесиках и не нужно бесконечно беспокоиться о хрупком, нежном и нестандартном грузе, суется вокруг него и по тысяче раз напоминающая грузчикам, как с ним следует обращаться.

Сколько она с этим грузом пропутешествовала, намучившись, изнервничавшись вся от не проходящего ни на минутку переживания: как он там? Ну, тысячи километров точно, через четыре города, в разных концах Якутии. А еще и до нее самой, до Республики Саха этой самой, загадочно-просторной добиралась.

А тут вдруг раз, и никаких напрягов — простой багажик, и все дела. Непривычно совсем и странно-вато как-то.

Но все, домой теперь. Ну, почти домой.

Настасья заприметила одно свободное кресло и торопливо принялась пробираться к нему через горы сумок, чемоданов, людей, ноги, играющих тут же детей, пока кто-то другой не опередил и не занял место.

На самом-то деле кресло было, скажем так, условно свободным, потому как в соседнем устроился сразу же не понравившийся и сильно настороживший ее индивид мужского пола — вытянув вперед и положив одна на другую ноги, скрестив руки на груди, засунув ладони в подмышки теплой летной куртки, в которую был облачен, укутавшись до макушки в поднятый меховой воротник, спал себе мирно здоровый такой мужик. А рядом с ним на соседнем сиденье, том самом, которое и присмотрела для себя Настена издалека, стояла здоровенная брезентовая сумища в форме вытянутого толстого цилиндра.

Такой армейский баул Настя однажды видела, когда к ним в институт прямо с аэродрома завалился муж ее коллеги, офицер каких-то там необыкновенных войск. Так вот у него был точно такой же цилиндр, он еще тогда объяснил заинтересовавшейся странной конструкцией Насте, что цилиндр этот можно носить как сумку, а можно и как рюкзак.

Очень удобно и все в нем, в этом чудо-бауле, продумано грамотно для укладки багажа. Муж коллеги еще долго расписывал какие-то еще там неоспоримые достоинства обыкновенного на вид тряпичного изделия, оказавшегося на удивление вместительным.

Вот перед такой вот цилиндрической штуковиной Настя и остановилась в некотором замешательстве.

Первым делом она попыталась воззвать к совести гражданина.

— Товарищ, — чуть наклонившись поближе, твердо обратилась она к спящему субъекту, не отреагировавшему на ее призыв. — Товарищ, — повторила Анастасия более настойчиво и даже руку протянула, но не рискнула все же его тормозить, лишь попросила довольно громко: — Будьте добры, уберите свои вещи с сиденья.

Ноль реакции. Собственно, что и требовалось ожидать.

— Ну, ладно, — пробурчала она еще более решительно и принялась стаскивать с кресла баул.

Получилось, разумеется, но оказалось тяжеловато. Что он туда насовал вообще? Вот что-то ей подсказывало, что вряд ли собрание сочинений Толстого Льва Николаевича или пару-тройку костюмов от итальянского Brioni и набор туфель ручной работы от Berluti.

Это она просто ворчала про себя и язвила от расстройства и постепенно крепнущего ощущения, что фиг она сегодня куда полетит, разве что вон мужик этот встрепенется ото сна и пошлет по конкретному направлению за такое самоуправство с его имуществом, да еще ускорения придаст пинками.

Все это невесело прокручивала в голове Настена, перетаскивая тяжелую сумищу с кресла на пол, крикнула тихонько от неожиданности, когда пришлось придержать баул в момент отрыва его от сиденья, быстренько стрельнула взглядом на мужика — не увидел ли, как она нелюбезно с его вещичками тут обращается.

Не, не увидел — спал себе, не обращая на ее возню никакого внимания.

Ну и хорошо, и спи, дядечка, чего уж теперь.

Она уселась на освободившееся место, огляделась по сторонам и осторожненько так ножкой, ножкой, чтобы никто не заметил, подвинула-подвинула конус баула в сторону мужика и тихо-о-оначко привалила его к бедру хозяина.

«Фу, ну все, — мысленно выдохнула Настасья, — пристроилась».

Поставила рядом с собой чемодан, уложила дамскую сумочку на колени и осмотрелась вокруг более спокойно и вдумчиво. Народу набилось в небольшом зальчике ожидания — не протолкнуться. Тут были и пассажиры на все задержанные рейсы, и встречающие. И пока ни одной регистрации не объявили, да и точной информации по задержкам не дали.

Ну что ж — сидим ровно, ждем.

Она вздохнула в унисон своим крепнувшим сомнениям, повернула голову и посмотрела за большое окно слева от нее через три сиденья и проход у стены.

Так и есть, снова вздохнула она, утверждаясь в своих нерадостных предположениях — черной бедовой темнотой напозала, неотвратимо накрывая сизым брюхом городишко, метельная туча.

Не улетит она никуда сегодня, вот как пить дать не улетит, в третий раз вздохнула Настя и перевела взгляд от наглой черной захватчицы на небе на мирно спящего соседа.

Вот кому было все глубоко по фиг, так вот этому. Спит себе человек, посапывает — не храпит, а

именно что посапывает, да так уютно, словно в кровати на перине устроился, а не на жестком сиденье аэропортного узкого креслица.

Настена уловила некий характерный запах, исходящий от него, и даже повела носом, чуть склонившись к соседу, — ну, точно, выхлопец характерный исходит от товарища.

Совсем у человека все хорошо — выпил-закусил и спит себе. Никаких проблем!

Даже позавидуешь.

И пахло-то от него, надо заметить (от нечего делать принялась размышлять она, чтобы хоть чем-то занять голову и отвлечься от нерадостных мыслей), не водкой дешевой, настоящей на крепкой закуске из мяса-лука-чеснока, и даже не борщом с соленьями и не рыбой или еще чем традиционно закусочным, а чем-то хоть и явно спиртовым, но с легкими фруктово-цветочными нотками.

Эстет, что ли, какой, присмотрелась она к спящей фигуре с большим сомнением, но повнимательней, или одеколоном балуется?

Ни на эстета, ни на одеколонщика мужик похож не был даже по внешним, так сказать, признакам — одежда на нем из разряда дорогой простоты, добротная, дорожная, не из дешевых китайских, и чистая. И ботинки вон дорогие известной фирмы специально для полярных условий.

А больше ничего и не скажешь — лица-то не видно — просто здоровый выпивший мужик. Спит.

Тут что-то в «эфирах» аэропортных блымкнуло, народ мгновенно замер, как африканские сурикаты, которые застывают столбиками, заподозрив

близкую опасность, и замолчал в ожидании приговора, так что повисла абсолютная тишина. И в этой тишине по громкой связи объявили об отмене всех рейсов на неопределенный срок, о котором будет сообщено отдельно.

«Целуем, администрация», — уныло подумала, выслушав объявление, Настасья.

И тут неожиданно закопошился тот самый подозрительный сосед слева, как медведь в берлоге, почувствовавший весеннюю оттепель, — спал и спал себе беспробудно, уж как-то все привыкли вокруг, и вдруг на тебе — ожил, задвигался! Настя аж развернулась в его сторону, чтобы наблюдать дивное явление. А мужик извлек из подмышки ладонь-лопату, отогнул край воротника и внимательнейшим образом уставился на нее.

Из образовавшегося мехового отвала на Настю смотрела сильно помятая, с покрасневшими глазами, заросшая щетиной какая-то полубандитская рожа, с усиливающими эффект этой ассоциации сломанными, как у профессионального борца, ушами, прижатыми к черепу, с кривоватым носом, явно пострадавшим в какой-то давней драке, а то и не раз, с белым маленьким шрамом на лбу и коротко стриженными густыми, какими-то пегими, непонятого оттенка волосами, торчавшими из-под сдвинутой на затылок кожаной шапки с меховой подбивкой.

— Ну что? — обдав ее явственным фруктово-спиртовым амбре, с хрипотцой ото сна требовательно спросил мужик у Насти с некими нотками недовольного ворчания в голосе.

— Что? — Не ожидавшая такого нахрапа, она не успела решить, пугаться ей или еще подождать, и как-то само собой получилось, что подождать.

И уставилась в покрасневшие глаза на заросшей щетиной бандитской физиономии. И то ли с испугу, то ли отчего еще у нее как-то вдруг ощутимо так екнуло сердце, и стало жарко в животе.

А вдруг и правда бандит какой?

— А то, что накрылся наш полет по ходу! — прохрипел он насыщенным полубасом, обдавая ее все тем же выхлопом.

— Господи боже, чем накрылся? — от растерянности и легкого испуга спросила Настасья, запоздало сообразив, что откровенно подставляется под грубость таким вот своеобразным вопросом.

У мужика тут же «всколыхнулась» вся мимика заspanного лица, брови начали приподниматься, на лице появилось натужное сожаление, он вдруг сделал непонятные пассы рукой в воздухе, изображая нечто невразумительное и, сопроводив эти покручивания ладони движением головы, выдал с натугой:

— Как бы вам так... куртуазно объяснить, чем накрылся, барышня, — затруднился он с разъяснениями. — Вы же девушка... — что-то вновь попытался изобразить он помятым лицом, дополняя слова очередным жестом руки — ... такая...

— Не надо куртуазно! — поспешила Настя остановить его потуги, протестующе вытянув руку, и поторопилась исправить ошибку: — Вопрос был глупый. Извините.

— Вы это серьезно? — На лице мужика совершенно явственно изобразилось удивление.